

ТУРГЕНЕВСКАЯ ДЕВУШКА

Певица Ольга Гурякова опаздывает на сцену только в кошмарных снах

Андрей Хрипин

ОЛЯ, как вы попали в Людвигсбург?

— Это были мои первые гастролы за границей в 1996 году. Руководитель фестиваля, маэстро Вольфганг Генненвайн услышал меня в Москве на небольшом закрытом прослушивании, когда я пела Мими, и сразу же пригласил спеть партию второго сопрано в до-минорной мессе Моцарта и Мелору в «Корсаре» Верди. Маэстро сказал, что услышал в моем голосе сочетание флейты и виолончели, которое он давно искал. А дальше каждый год я получала приглашение из Людвигсбурга участвовать в заключительных концертах, на которых по традиции даются оперы в концертном исполнении. После «Корсара» были «Стиффелио», «Эрнани», а нынче в сентябре — «Трубадур». И только что мне пришел факс с просьбой не занимать сентябрь 2000 года — это будет очередная опера Верди, а какая, пока неизвестно.

В трех вердиевских спектаклях со мной пел баритон Борис Стаценко — после того как он ушел из Большого, его карьера успешно складывается в театрах Германии и Франции. В партии Азучены имела успех Лариса Костюк из «Геликона». Манрико исполнял тенор из Словении Янис Лотрич. С ним у нас очень интересное переплетение судеб — вместе мы пели «Богему» (мой первый контрактный спектакль на Западе) и «Паяцы» в австрийском Граце.

— Вы такая молодая, вам не страшно петь Марию?

— Страшно было, когда я взглянула в ноты и отказалась. А теперь — нет, ведь я пою Марию своим голосом. А голос — не то чтобы меняется его тип, но будем надеяться, что он развивается. То, что мы не в состоянии позволить себе в 25 в силу отсутствия необходимой органики, стабильности, опыта, можно попробовать тремя годами позже. Когда в 96-м я получила первую премию на конкурсе имени Римского-Корсакова в Петербурге, фирма «Philips» готовила в Мариинском театре видеозапись «Мазепы». Валерий Абисалович Гергиев, услышав меня на конкурсе, стал уговаривать на авантюру — за полмесяца выучить сложнейшую — крепкую (если не кровавую) драматическую партию Марии и принять участие в записи. Партии я в глаза не видела, но не в этом дело — Марию всегда в основном пели, что называется, тети, которые вставали и, так сказать, мочили. Я отказалась, и это не было ошибкой. Спела «Мазепу» через два года, когда поняла, что могу. Сначала в Мариинке, потом на фестивале «Kirov Opera» в «Метрополитен» и почти одновременно с этим пришло приглашение от Ростроповича принять участие в премьере «Мазепы» в «Ла Скала».

Над образом в этих спектаклях со мной работали разные люди. Внутри меня тоже идет некое развитие. И теперь я знаю, что у меня есть своя Мария независимо от того, в спектакле какого режиссера я участвую. В Мариинском я начала репетировать с арабским режиссером Ибрагимом Курайши — к сожалению, ему не дали вести до конца его экстравагантную экспликацию в стиле театра абсурда.

— А как обрисовать образ миланского «Мазепы», поставленного Додиним и Боровским? Наверное, это было нечто суперавангардное...

— Нет, я бы так не сказала. Что-то было и от девятнадцатого века, и от булгаковской «Белой гвардии». В общем, условный спектакль вне времени, философичный, с обилием символов и знаков. Объяснение Марии с Мазепой происходило не в его кабинете, а в сюрреалистической обстановке тюрьмы: где-то рядом кровь, истязания, в камерах пытаются заключенных, среди них отец Марии. И насколько это отличается от куртуазной ситуации в спектакле Юрия Александрова в Мариинке, где Мария с помощью женской хитрости, кокетства, даже истерики пытается проникнуть в темную душу гетмана. У Додина на сцене казни было показано помещительство Марии — к ней подходило некое существо, женщина, олицетворяющая смерть или рок. Эта женщина снимала с Марии верхнее платье (та оставалась в обуглившейся сорочке — все пропало, все прочь) и саблей отрезала ей косу.

— А по настроению зала, что вы почувствовали: успех, удивление, равнодушие, что-то другое?

— Думаю, что успех был, но очень спокойный. Вот в «МЕТ» (у «Мазепы» был сумасшедший триумф — орала не клака (откуда она у Мариинки в Нью-Йорке?), а самая обычная публика. А в «Скала» публика стала холодной. Между репетициями мне удалось послушать «Силу судьбы». Спектакль блестящий, великолепно пели Лео Нуччи и венгерка Георгина Лукач (она училась в Московской консерватории). Публика хлопала как будто из вежливости. Мой спутник — итальянец и оперный фанат — чуть не со слезами на глазах сказал: «Итальянцы больше не любят оперу».

— Продолжилась ли ваша дружба с Ростроповичем?

— Да. Недавно я спела с ним в концерте для армий Катерины Из-

Певица Гурякова напоминает тургеневскую девушку. Что бы она ни пела — Татьяну ли Ларину, Дездемону, Таис Афинскую или беловейку Мими — чистота и страсть идут рука об руку. В ее послужном списке «Ла Скала» и «Метрополитен». Ее ждут в Венской опере и в парижской «Опера Бастиль». Но самым дорогим по-прежнему остается Московский музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Мы беседуем с Ольгой, когда еще не остыли воспоминания о канском «Евгении Онегине» и лудвигсбургском «Трубадуре», — за несколько дней до нашей встречи в Мариинском театре под управлением Валерия Гергиева пела Марию в «Мазепе» Чайковского — роль, ставшую для нее в последнее время путеводной. На прошлой неделе Гуряковой (за компанию с Ириной Архиповой и Николаем Путиным) вручили ежегодную оперную премию «Casta Diva», с чем «НГ» ее и поздравляет.

Ольга Гурякова в роли Марии в опере «Мазепа» в «Ла Скала». Фото А. Тамони

майловой в Чикаго. Дальше он будет делать постановку, но у меня в это время контракт с «Опера Бастиль» на «Войну и мир», где я буду Наташей Ростовой. А с Мстиславом Леопольдовичем мне еще предстоит петь «Военный рекем» Бриттена. И еще несколько вариантов, о которых пока рано говорить.

— Как бы сравнили манеру работы Ростроповича и Гергиева?

— Гергиев во всех своих музыкальных проявлениях энергичен. Его оркестр — это какой-то мощный, неостановимый поток, который влечет за собой. А Ростропович сказал мне одну фразу, которая его очень тонко характеризует: «Тебе никто не сделает такую воздушную подушку в колбелбной, как я». Во время репетиций Мстислав Леопольдович много общается, используя сразу несколько языков, объясняет, шутит, рассказывает анекдоты. Каждый такт Ростропович может расшифровать словами. Гергиев немногословен, он человек действия и сразу бросается в музыку. Конечно, он ставит задачу, но она чаще всего психологическая, а уж как ты ее решишь, в каких нюансах, — это твое дело. Он ценит импровизационность в рамках поставленной цели, не любит, когда певцы неотрывно смотрят на него в упор, ему важнее контакт незримый, внутреннее понимание — и тогда действительно можно сделать очень много.

— И как же маэстро Гергиев предьявит вас в ближайшем будущем?

— В конце ноября вышел «Дон Жуан» в постановке Йоханнеса Шаафа, где я... Анна, о которой я давно мечтаю.

— А на мой взгляд, Эльвира — персонаж поинтересней. Анна все время рыдает, страдает, жалуется и чего-то от всех требует.

— Хочу попробовать новое.

— Зовет ли вас Мариинка в свою вагнеровскую эпопею?

— Шли такие не совсем конкретные разговоры, но мне даже и не хочется сейчас.

— А в отдаленных планах есть какие-нибудь совместные, назовем так, творческие мечты у вас с Валерием Абисаловичем?

— Может быть, «Манон Леско» Пуччини или «Манон» Массне и, может, когда-нибудь «Пиковая дама», но не здесь.

— А что хочется?

— Надо осваивать огромный пласт вердиевских опер. Готовлюсь к Полине в «Игроке» Прокофьева — это будет спектакль Гергиева в «МЕТ» в 2001 году. Впереди еще сольная программа «Аве Мария» и «Летучая мышь» в нашем Театре Немировича-Данченко. В декабре пою в Вене Эльвиру в «Эрнани» — это экстренная замена, а в принципе мой официально объявленный дебют в Штаатс опер должен состояться в следующем году в «Паяцах».

— Какое соотношение между «здесь» и «там» было у вас в этом году?

— В этом, наверное, поровну, а в следующем, боюсь, «там» будет больше.

— Нравится ли вам, когда в околовосковских кругах вас называют «Мазепой»?

— О Господи!.. С одной стороны, может быть, кому-то и лестно, когда тебя сравнивают с эталоном, а с другой...

— Ну тогда как вы соотносите себя с парой Каллас—Тебальди?

— Себя я даже близко не могу и не хочу ставить, я знаю свое место. А в идеале, конечно, хочется настолько владеть своим голосом и уметь пользоваться всеми оттенками, как Тебальди, так же истово отдаваться сцене, как Каллас. Впрочем, сейчас я увлеклась Леонтиной Прайс — послушала караяновский «Реквием» и просто заболела этой певицей.

— Какие еще имена волнуют ваше воображение?

— Первым увлечением была Френи, потом Стратас в «Травиате» Дзефирелли.

— Это детские увлечения?

— Нет, в детстве в моей жизни не было оперы. Я испытала сильное разочарование, когда меня повели на «Евгения Онегина» в наш Новокузнецкий драмтеатр (это был гастрольный спектакль, не помню какого театра). И когда пожилая толстая тетя с большим бюстом и отвратительной дикцией пыталась изображать юную Татьяну (а я только что начиталась Пушкина), на меня пахнуло такой древней пылью, я чуть не задохнулась.

— Ваши родители были как-то связаны с музыкой?

— Папа был совершенно далек от музыки. Мама — преподаватель русского языка и литературы в школе. Сейчас она переехала поближе к нам, под Подольск. У нее очень красивый голос, низкий и густой, но пением она никогда не занималась. Когда я была маленькой, мама перед сном заводила пластинки, и я засыпала под «Детский альбом» и «Времена года» Чайковского. В четыре года мне купили инструмент, и я занималась у частного педагога. Потом педагог, Петр Петрович, повесился. Я не могла подойти к инструменту, совсем перестала играть. Стала петь в детском хоре, занималась танцами и в драмкружке. К семнадцати годам все стало говорить, что у девочки редкий голос, и мама решила показать меня в Новосибирской консерватории. Поехали. Входим в класс. Профессор Петров, ныне покойный, спрашивает: «Ну-с, девочка, какой у вас голос?» — «Драматическое сопрано», — повторила я заученную фразу. — «А что вы нам, девочка, споете?» — «Не брани меня, родная» и «Спасибо, музыка» из фильма «Мы из джаза». Слушать не стал, но проверил диапазон и говорит: «Голос есть, тембр приятный, манера хоровая». А потом добавляет: «Девочка, в мире столько прекрасных профессий, вы можете стать врачом, учителем, зачем непременно петь? Но уж если нет, то срочно бросайте хор».

Вернулась домой, приняла решение, что буду учить деток музыки, как меня учили, и поступила в музыкальное училище на дирижерско-хоровое отделение. Через месяц судьба свела меня с вокальным педагогом, что называется, милостью Божией. Через полтора года я поступила в Московскую консерваторию.

— Все так просто?

— Ну не совсем?

— В театральном училище (где,

между прочим, играла Любку Шевцову). И мой педагог советовала мне поступать в ГИТИС, чтобы стать не только певицей, но и артисткой. Да и мне самой просто стоять и петь было неинтересно. В ГИТИСе набора в тот год не оказалось, и я пошла на прослушивание в консерваторию.

— Оля, а вам нравилось учиться в консерватории?

— Безумно.

— Но ведь там же приходилось стоять у рояля по стойке смирно...

— Мой педагог Ирина Ивановна Масленникова все говорила мне: «Ну, деточка, думаешь, что хорошо спела? Сексом опять взяла! Все смотрели на твое красное платье — свалится или нет». А если серьезно, то стоять не всегда приходилось, с третьего курса началась Оперная студия, где у нас были «Евгений Онегин» и «звездный» «Дон Жуан» — там пели Ахмед Агали, Арутюн Кочинян, Хибла Герзмава, Вера Чумаченко. Я благодарна нашему маэстро Рацери, лично мне он дал очень много: чувство музыки, образа, театра. Вспоминаю его как доброго ангела.

— Кстати, о красном. Ваши концертные платья чаще всего именно этого цвета.

— Это мой цвет — по знаку и по восприятию.

— Как вас нашел ваш главный режиссер?

— Александр Борисович Титель услышал меня на концерте класса вокального ансамбля моего концертмейстера Евгении Михайловны Арефьевой. Я пела дуэт из «Паяцев», а он спросил: «Можешь что-то полиричнее — Мими, например?» Я пришла на прослушивание в театр с «Письмом Татьяны». Видимо, мне так хотелось попасть в мир театра, так хотелось петь, что меня не остановили. Возможно, я была похожа в чем-то на Фросю Бурлакову — рвала и метала на фоне рояля. После этого я услышала: «Наш человек. Берем».

— Провалы у вас были?

— Так чтоб совсем голос отказывал, в реальности не было — только в кошмарных снах. Снится, что выхожу на сцену, не знаю, что петь, и начинаю сочинять или опаздываю из гримерки на выход. А вообще иногда в большом состоянии так концентрируешь свои силы, что спектакль иной раз выходит лучше обычного. Яркого провала пока не могу припомнить, хотя, наверное, он в качестве единичного стимула необходим.

Ругательных статей, стуку по дереву, не так уж и много. Хотя и их трудно назвать ругательными — так, слегка пожарили. Говорят, что, когда начинается настоящая большая карьера, разгромных статей становится больше. Возьмите хотя бы пример Горчаковой.

— Вы честолюбивый человек?

— Наверное. А иначе какой смысл заниматься нашим делом.

— Долго ли вы размышляете перед тем, как что-то предпринять, и советуетесь ли с кем-нибудь?

— Обычно долго взвешиваю и советуюсь. Если рублю с ходу, то, как правило, ошибаюсь.

— Какая жизнь для вас предпочтительней: тихая, мирная или бурная?

— Люблю энергичную, полную работы, переездов, встреч жизнь. Когда я надолго остаюсь в теплой уютной квартире наедине со спокойной семейной жизнью, начинаю чувствовать, что погружаюсь в болото, и уже не хочется ничего. Потом я ненавижу себя за это.

— Предлагали ли вам остаться жить на Западе?

— Пока я к этому не готова. Хотя это гораздо удобнее в плане свободы передвижения через границы.

— Ваши театральные суеверия такие же, как у всех, или есть особые, «гурьяковские»?

— Есть, хотя верующий человек не должен быть суеверным. Какие-то «значки» перед выходом на сцену, определенные молитвы.

— Какой у вас характер?

— Непостоянный (смеется).

— Со стороны вы производите впечатление спокойного, уравновешенного человека, который много успевает.

— Вот видите, вы лучше меня знаете.

— Совпадают ли у вас темпераменты с мужем, басом Романом Ульяным?

— Нет, мы абсолютно разные. Тем, наверное, и интересны друг другу до сих пор.

— Что вы мечтаете спеть?

— «Травиату».

— Так пусть Александр Борисович поставит...

— Нет, дело ведь не в том, кто поставит или не поставит. Надо же спеть все это. Если первая ария с колоратурой не выходит блестяще, за роль лучше не браться.

— Скажите еще о родном театре.

— Действительно, Музыкальный театр — мой театр, мой дом. Я так много здесь получила. Надеюсь, что смогла и отдать хоть что-то. Здесь состоялось мое боевое крещение в «Богеме». Здесь есть люди — мой главный режиссер и мой концертмейстер, которые помогают мне сквозь шелуху добираться до сути.

— О чем вы жалеете?

— Например, о несостоявшемся «Онегине» у Евгения Колобова.

— Кто еще из дирижеров вам импонирует?

— Озава и Аббадо. С Мути мечтаю играть в «Скала» что-нибудь итальянское.